Интеракционный капитал: основания общей теории международной политики в условиях соперничества

Безкади Фади
аспирант, кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает объяснительный разрыв, общий для главных парадигм международных отношений. Ни распределение возможностей, ни распределение институтов, ни распределение идей не объясняют, почему одинаковые конфигурации силы и интересов производят в одних диадах регулируемое соперничество, а в других спираль эскалации. Они не объясняют и того, почему исходы противостояний систематически отклоняются от предсказаний баланса сил. Цель работы состоит в том, чтобы устранить этот разрыв введением недостающей переменной и построением вокруг неё общей теории. Методология включает аксиоматическую реконструкцию оснований дисциплины, формулировку законов и выводимых теорем, операционализацию центральной переменной и проверку теории на критическом случае, то есть на российско-американском взаимодействии в сирийском конфликте. В основание теории положена переменная нового типа, а именно интеракционный капитал. Он определяется как совместно производимый диадой запас взаимной читаемости, складывающийся из четырёх фондов, то есть признания, правил, каналов и прецедентов. Сформулированы четыре закона, а именно законы совместного производства, асимметрии темпов, конвертации и износа. Из законов выведены теоремы, объясняющие единым механизмом дилемму безопасности, условия успеха сдерживания, срыв в спираль, победы слабейших и автономию клиентов. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой главной дефицитной величиной мировой политики выступает не мощь и не легитимность, а читаемость, то есть способность соперников понимать действия друг друга в одном коде. Мощь конвертируется в результаты только через читаемость, и эффективность конвертации измерима. Теория операционализирована индексом интеракционного капитала и пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает теорию международных отношений, стратегический анализ, прогнозирование эскалационных рисков и дипломатическую практику. Основной вывод состоит в том, что международная политика есть в первую очередь экономика читаемости. Держава, накапливающая интеракционный капитал, побеждает державу, накапливающую только силу.

Ключевые слова: интеракционный капитал, читаемость, теория международных отношений, соперничество великих держав, сдерживание, эскалация, признание, конвертация мощи, российско-американские отношения.

Введение: три парадигмы и один общий пробел

Дисциплина международных отношений держится на трёх больших ответах. Реализм отвечает, что поведение государств задано распределением возможностей в анархической среде [1; 2]. Институционализм отвечает, что анархия смягчается институтами, снижающими издержки кооперации [3; 41]. Конструктивизм отвечает, что сама анархия есть то, что государства из неё делают, то есть продукт идей и идентичностей [4; 5]. Три ответа десятилетиями воюют между собой. Между тем у них есть общий пробел, и он важнее их разногласий. Ни одна из парадигм не объясняет двух устойчивых аномалий. Первую аномалию образует разброс режимов при равной структуре. Одинаковые конфигурации силы и интересов дают в одних диадах управляемое соперничество, в других неудержимую спираль [6; 7; 44; 45]. Количественная традиция изучения соперничества фиксирует этот разброс, но объясняет его свойствами диады, а не механизмом [44; 45]. Вторую аномалию образуют систематические отклонения исходов от баланса сил. Слабейшие стороны регулярно достигают целей, которых сильнейшие достичь не могут [8; 9]. Обе аномалии указывают в одну точку. Между структурой и исходом работает переменная, которую дисциплина использует всюду и не теоретизирует нигде. Настоящая статья называет эту переменную, кладёт её в основание аксиоматики, формулирует законы её движения, выводит теоремы, операционализирует измерение и подвергает теорию проверке на критическом случае. Переменная называется интеракционным капиталом. Системные основания такого построения обоснованы в отечественной теории международных отношений [46].

1. Отправная точка: чего не видят три парадигмы

Реализм знает, что сигналы и восприятие решают многое. Р. Джервис посвятил этому классический корпус [6; 10]. Но в реалистской архитектуре восприятие остаётся возмущением, то есть источником ошибок вокруг истинного баланса, а не самостоятельным запасом, который можно накапливать и терять. Институционализм знает, что правила удешевляют взаимодействие [3; 41]. Но он привязал правила к кодифицированным режимам и организациям [42; 47]. Поэтому он беспомощен там, где действуют правила без текста, то есть молчаливые границы допустимого, взаимные понимания соперников и некодифицированная грамматика кризиса [11; 12; 48]. Различение твёрдого и мягкого права приблизилось к проблеме, но осталось внутри логики кодификации [48]. Конструктивизм знает, что значения конституируют реальность [4; 13]. Но он растворил значения в широких культурах анархии, не дав аппарата для измерения того, насколько конкретная диада способна читать друг друга здесь и сейчас. Э. Карр указал на двойственность политики, то есть на силу и согласие, ещё при основании дисциплины [14]. Синтез реализма и конструктивизма объявлен возможным [15]. Однако объявление синтеза не означает его построения. Для построения нужна переменная, которая одновременно материальна по носителям, социальна по природе и измерима по проявлениям. Такая переменная есть.

2. Центральная переменная: интеракционный капитал

Интеракционный капитал диады есть совместно произведённый запас взаимной читаемости, то есть способности сторон понимать действия друг друга в одном коде и предвидеть прочтение собственных действий контрагентом. Понятие капитала здесь не метафора, а строгая аналогия. Речь идёт о запасе, который производится инвестициями, приносит отдачу, амортизируется и может быть разрушен. Философское основание даёт теория институциональных фактов. Социальная реальность строится статусными функциями, существующими лишь постольку, поскольку они коллективно признаны [16]. Социологическое основание даёт анализ символической власти. Способность заставить своё определение ситуации быть принятым есть особый ресурс, несводимый к принуждению [17]. Международно-политическое основание дано классиками английской школы. Сама великодержавность есть институт, то есть признанная позиция с правами и обязанностями, а не сумма возможностей [18]. Капитал складывается из четырёх фондов. Фонд признания составляют взаимно подтверждённые статусы сторон, то есть представления о том, кем они друг друга считают и какие роли друг

другу разрешают [19; 20; 49; 50]. Философская традиция теории признания задаёт нормативное основание этого фонда [51; 52], а коллективные исследования признания в мировой политике его эмпирические формы [53]. Фонд правил составляют общие мерила допустимого и критерии выигрыша, кодифицированные и молчаливые [11; 18; 48]. Фонд каналов составляет работающая инфраструктура связи, от договорных режимов до непубличных линий деконфликтации [21; 22; 54]. Фонд прецедентов составляет накопленная история взаимных прочтений, задающая, как будет истолковано следующее действие [10; 23]. Четыре фонда взаимно конвертируемы, но не взаимозаменимы. Богатый фонд каналов не спасает при пустом фонде признания, и наоборот. Все четыре фонда предполагают третью сторону. Читаемость производится не только для контрагента, но и перед аудиторией, чьё прочтение стороны учитывают. Социология конкуренции показала, что состязание конституируется присутствием третьего, то есть инстанции, распределяющей выигрыш [55]. Глобальная конкуренция конституируется воображаемой всемирной аудиторией, перед которой ведётся сравнение [56]. Присутствие третьего объясняет, почему инвестиции в код совершаются публично и почему их отзыв обходится дорого.

3. Аксиоматика

Теория покоится на четырёх аксиомах. Первая аксиома гласит, что анархия есть прежде всего коммуникативная среда и лишь затем распределение силы. Отсутствие верховной власти означает в первую очередь отсутствие гарантированного толкователя. Никто не обязан понимать государство так, как оно хочет быть понятым [4; 16]. Вторая аксиома гласит, что всякое международное действие двойственно. Оно одновременно ход и сообщение. Развёртывание войск меняет баланс и произносит фразу. Санкция наносит ущерб и формулирует определение ситуации [10; 24]. Третья аксиома гласит, что ценность сообщения задаётся кодом, которым ни одна из сторон не владеет единолично. Код есть совместное достояние диады. Его нельзя ни присвоить, ни навязать без встречного исполнения [16; 23]. Четвёртая аксиома гласит, что код есть запас, а не данность. Он производится практикой, амортизируется временем и разрушается действиями. Поэтому он подчиняется законам движения запасов. Отсюда следует определение предмета. Международная политика в условиях соперничества есть экономика читаемости, то есть производство, накопление, конвертация и разрушение интеракционного капитала при непрекращающемся конфликте интересов.

4. Четыре закона движения интеракционного капитала

Первый закон есть закон совместного производства. Интеракционный капитал производится только двусторонне. Односторонняя инвестиция, будь то заявление, жест или уступка, становится капиталом лишь при встречном исполнении. Без него она остаётся издержкой. Отсюда следует, что капитал диады не принадлежит ни одной из сторон и не отчуждаем в одностороннем порядке, но разрушаем в одностороннем. В этом состоит фундаментальная асимметрия собственности [16; 18]. Второй закон есть закон асимметрии темпов. Накопление капитала медленно, разрушение быстро. Накопление требует повторяющихся подтверждений, проверки временем и институционализации рутин [3; 23; 57]. Зависимость от пути, описанная институциональной теорией, задаёт формальный аналог этого закона [57; 58]. Разрушение достигается серией перформативных отказов и не требует ничего, кроме решения. Отсюда следует, что траектории деградации и восстановления диады не совпадают. Система, вернувшаяся к прежним материальным параметрам, не возвращается к прежнему режиму взаимодействия. Третий закон есть закон конвертации. Мощь конвертируется в политические результаты только через интеракционный капитал, и эффективность конвертации пропорциональна его запасу. Сигнал сдерживания, посланный при богатом коде, читается и работает. Тот же сигнал при бедном коде читается как агрессия и раскручивает спираль [6; 25]. Угроза, обещание, гарантия и уступка суть сообщения, и их действие ограничено сверху читаемостью. Отсюда следует центральный для всей теории вывод. Исход противостояния определяется произведением мощи на читаемость, а не мощью самой по себе. Четвёртый закон есть закон износа. Интенсивная эксплуатация пространства вблизи границ допустимого истощает капитал даже без крупных нарушений. Каждое малое неотвеченное зондирование становится прецедентом, сдвигающим фактический код при неизменном декларативном. Расхождение накапливается незаметно и обнаруживается скачком, в момент, когда стороны открывают, что живут по разным редакциям одного правила [10; 26; 58]. Механизм совпадает с институциональным наслоением, при котором содержательное изменение накапливается при формальной непрерывности [58]. Отсюда следует, что наибольшую угрозу капиталу составляет не кризис, а рутина. Запас, который не ревизуется, тает.

5. Теоремы: старые загадки в новом решении

Сила общей теории состоит в числе загадок, решаемых одним механизмом. Первая теорема касается дилеммы безопасности. Дилемма есть чтение при бедном капитале. Оборонительные меры неотличимы от наступательных не по природе вещей, а по бедности кода, в котором их читают [6; 27; 43]. Отсюда следует проверяемое уточнение классики. Острота дилеммы в диаде обратно пропорциональна интеракционному капиталу, а не техническим свойствам вооружений. Вторая теорема касается условий сдерживания. Сдерживание успешно выше порогового запаса капитала и контрпродуктивно ниже его. Спор моделей сдерживания и спирали [25; 28] разрешается указанием зоны применимости каждой. Они описывают одну диаду при разных уровнях запаса. Третья теорема касается побед слабейших. Сторона с меньшей мощью, но большей читаемостью может систематически переигрывать сильнейшую. По закону конвертации произведение малой силы на высокую читаемость превосходит произведение большой силы на читаемость нулевую [8; 9]. Публично заявленная максималистская цель, не подкреплённая исполнением, есть одностороннее сожжение собственного фонда прецедентов, то есть самоослабление без единого выстрела противника [10; 24]. Четвёртая теорема касается автономии клиентов. В соперничестве принципалов агент получает переговорную силу от конкуренции патронов за его лояльность. Управляемость агента падает с ростом соперничества [29; 30; 59]. Механизм описан классически. Угроза выхода и право голоса конвертируются в уступки патрона [59]. В терминах теории капитал патрон-клиентской пары обесценивается конкурирующим предложением кода. Пятая теорема касается невойны. Отсутствие войны между соперниками в зонах соприкосновения есть не остаточное состояние, а продукт непрерывных вложений в фонд каналов. Прекращение обслуживания возвращает диаде спиральную динамику [21; 22]. Пять теорем покрывают феномены, прежде требовавшие пяти несвязанных теорий. В этом и состоит претензия на общность.

6. Проверка на критическом случае: российско-американская диада в Сирии

Критический случай выбран по жёсткости условий. Это две ядерные державы, противоположные обязательства, общее пространство операций и минимальный уровень политического доверия [31; 32]. Все конкурирующие теории делают здесь ясные предсказания. Реализм предсказывает исход по балансу и ошибается. Слабейшая сторона достигла целей, сильнейшая нет [8; 33]. Институционализм предсказывает управляемость по плотности формальных режимов и ошибается. Формальные каналы гибли первыми, а устойчивым оказалось некодифицированное [22; 34; 61; 62]. Теория интеракционного капитала предсказывает наблюдённое. Российская сторона систематически инвестировала в четыре фонда. Она подтверждала статусные рамки контрагента, выстраивала молчаливые правила разграничения, поддерживала каналы деконфликтации и накапливала прецеденты исполненных обязательств, от химической сделки до режимов локализации инцидентов [35; 36; 60; 65]. Соответствующая модель урегулирования описана в литературе как силовой мир, где посредники селективно комбинируют право, силу и давление [60]. Американская сторона в тот же период расходовала фонды. Она декларировала неисполняемые границы [24] и размывала собственный фонд прецедентов вместе с читаемостью своих сигналов [10]. Исход соответствует закону конвертации. Меньшая мощь при большей читаемости переиграла большую мощь при читаемости подорванной. Работает и закон асимметрии темпов. Единожды сожжённые фонды не восстановились при последующих тактических потеплениях [23; 37; 63; 66]. Расхождение интерпретаций фиксируется и в анализе российско-американской дилеммы безопасности [64]. Работает и закон износа. Рост рисков концентрировался не в громких кризисах, а в полосах рутинного зондирования границ [26; 36]. Случай, максимально неблагоприятный для мягкой

переменной, оказался её сильнейшим свидетельством. Там, где сила должна была решать всё, решила читаемость.

7. Операционализация: индекс интеракционного капитала

Построение композитного индекса опирается на сложившуюся в дисциплине традицию. Классический прецедент даёт трёхмерное измерение легализации по обязательности, точности и делегированию, где качественное свойство международного порядка сведено к сопоставимой шкале [47]. Той же логике следуют количественные исследования миростроительства [70] и событийный анализ конфликтного поведения [71]. Интеракционный капитал диады операционализируется композитным индексом из четырёх субшкал. Субшкалу признания образуют номинации контрагента в стратегических документах, то есть определения его как соперника, конкурента, угрозы или ревизиониста, а также процедурные включения и исключения и ранговые подтверждения [19; 20; 67; 68]. Сетевые меры статуса, построенные на данных дипломатического представительства, дают инструмент для первой части субшкалы [67]. Реляционный подход, трактующий признание как свойство отношения, а не атрибут актора, задаёт её вторую часть [68]. Оценка статусного перформанса по критериям аудиторного отклика дополняет измерение третьей [69]. Субшкалу правил образует число действующих режимов с процедурами верификации, дополненное кодируемой экспертами плотностью молчаливых правил, восстанавливаемой из распределения неотвеченных действий [11; 26]. Субшкалу каналов образуют количество и активность работающих линий связи военных и дипломатических ведомств [21]. Субшкалу прецедентов образует доля исполненных публичных обязательств диады на скользящем окне [10; 71]. Свёртка субшкал даёт индекс, сопоставимый между диадами и во времени. Кодирование номинаций опирается на процедуры критического дискурс-анализа [72], а восстановление молчаливых правил из практики на анализ дипломатических практик [73]. Эффективность конвертации измеряется отношением достигнутых целей к ресурсным затратам стороны и сопоставляется с её вкладом в интеракционный капитал диады. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что режим взаимодействия диады предсказывается уровнем интеракционного капитала лучше, чем балансом возможностей. Устойчивое доминирование ресурсного предиктора опровергает теорию. Второе состоит в том, что эффективность конвертации мощи в результаты растёт с интеракционным капиталом при контроле ресурсов. Её нечувствительность к капиталу опровергает закон конвертации. Третье состоит в том, что время восстановления запаса после обвала систематически превышает время обвала. Симметричные циклы опровергают закон асимметрии темпов. Четвёртое состоит в том, что эскалационные всплески следуют за периодами максимального накопленного расхождения декларативного и фактического кодов, а не за периодами риторической конфронтации. Обратная последовательность опровергает закон износа. Пятое состоит в том, что некодифицированные компоненты капитала переживают политические кризисы устойчивее кодифицированных в диадах с симметрией уничтожения. Их одновременное отмирание опровергает следствие закона совместного производства. Пять предсказаний задают программу проверки на корпусе великодержавных диад, от холодной войны до американо-китайского соперничества [7; 38].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что предлагаемая теория есть конструктивизм. Это не так. Конструктивизм утверждает, что идеи конституируют интересы. Предлагаемая теория этого не требует. Интересы могут быть заданы как угодно материально. Теория утверждает лишь, что реализация любых интересов ограничена сверху читаемостью, и вводит законы движения этого ограничителя. Реалист может принять теорию целиком, не отказавшись ни от анархии, ни от эгоизма государств [1; 15]. Второе возражение гласит, что читаемость есть доверие. Это не так. Доверие есть ожидание доброжелательности. Читаемость есть способность понимания. Диады холодной войны демонстрировали высокую читаемость при нулевом доверии, то есть противников без иллюзий, читающих друг друга безошибочно [23; 25; 74]. Литература о доверии сама различает доверие и предсказуемость, но не строит для второй самостоятельного аппарата [74]. Третье возражение гласит, что читаемость есть общее знание в смысле Т. Шеллинга. Различие проходит по трём пунктам. Общее знание есть состояние, интеракционный капитал есть запас с законами движения. Общее знание бинарно, капитал градуален и измерим. Общее знание не предполагает производства и износа, капитал предполагает и то и другое. Теория Шеллинга описывает, что стороны знают [39]. Предлагаемая теория описывает, как это знание производится, накапливается и разрушается. По той же причине она не совпадает с концепцией сообществ безопасности, где взаимопонимание выступает достигнутым состоянием, а не расходуемым запасом [40]. Четвёртое возражение гласит, что запас ненаблюдаем. Ответ дан индексом выше. Каждый фонд имеет наблюдаемые носители, то есть тексты, каналы, прецеденты и процедуры. Ненаблюдаемым капитал был, пока его не искали. Отношение к парадигмам определяется так. Теория интеракционного капитала не есть четвёртая парадигма рядом с тремя. Она есть недостающий слой под ними. Реализм описывает, что у держав есть. Институционализм описывает, что они построили. Конструктивизм описывает, что они думают. Предлагаемая теория описывает, что они способны друг другу сказать. Поскольку сказанное опосредует и силу, и институты, и идеи, слой читаемости логически первичен для объяснения исходов, при полной совместимости с достижениями всех трёх традиций [14; 15]. Сходную задачу совмещения структурного и интерпретативного анализа ставят сценарные модели российско-западных отношений [75; 76].

Заключение

Статья ввела в теорию международных отношений переменную нового типа и построила вокруг неё общую теорию. Интеракционный капитал, то есть совместно производимый запас взаимной читаемости из четырёх фондов, подчиняется четырём законам, а именно законам совместного производства, асимметрии темпов, конвертации и износа. Пять теорем показали, что дилемма безопасности, условия сдерживания, срыв в спираль, победы слабейших и автономия клиентов составляют не пять загадок, а пять проявлений одного механизма. Критический случай подтвердил главное уравнение теории. Исход соперничества задаётся произведением мощи на читаемость. Индекс и пять предсказаний открыли теорию для опровержения, что является единственной честной формой претензии на научность. Практическое следствие адресовано государственным деятелям и формулируется в одну строку. Читаемость есть стратегический актив первого ранга, и час, вложенный в код диады, может стоить дивизии. Исследовательская программа включает измерение интеракционного капитала на историческом корпусе диад, проверку пяти предсказаний и картирование фондов действующих соперничеств. Если программа выдержит проверку, дисциплина получит то, чего ей не хватало между структурой и исходом. Это экономика читаемости, то есть учение о единственном ресурсе, который соперники могут произвести только вместе и потерять поодиночке.

Литература

1. Waltz, K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 102–128.
2. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York; London: W. W. Norton & Company, 2001. P. 1–35.
3. Haas, E. B. When Knowledge Is Power: Three Models of Change in International Organizations. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 77–82.
4. Wendt, A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 391–425.
5. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 246–312.
6. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 58–113.
7. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.
8. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.
9. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. pp. 108-118.
10. Jervis, R. The Logic of Images in International Relations. New York: Columbia University Press, 1989.
11. Bull, H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977. P. 193–213.

12. Adamsky, D. Cross-Domain Coercion: The Current Russian Art of Strategy. Paris: Institut Français des Relations Internationales, 2015. P. 20.
13. Ringmar, E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict. 2002. Vol. 37, № 2. P. 115–136.
14. Carr, E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan & Co., 1946. P. 69–100.
15. Barkin, S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. Vol. 5, № 3. P. 325–342.
16. Searle, J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 7–10.
17. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 75, 249.
18. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W. C. Introduction // Status in World Politics / ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.
19. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, iss. 4. P. 63–95.
20. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.
21. Иванов, С. М. Вмешательство иностранных государств в сирийский конфликт // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 7 (856). С. 17–23.
22. Notte, H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling // The Nonproliferation Review. 2020. P. 1–16.
23. Leng, R. J. When Will They Ever Learn? Coercive Bargaining in Recurrent Crises // The Journal of Conflict Resolution. 1983. Vol. 27, № 3. P. 379–419.
24. Ball, J. Obama Issues Syria a 'Red Line' Warning on Chemical Weapons // The Washington Post. 2012. August 20.
25. Glaser, C. L. Political Consequences of Military Strategy: Expanding and Refining the Spiral and Deterrence Models // World Politics. 1992. Vol. 44, № 4. P. 497–538.
26. Leng, R. J. Crisis Learning Games // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, № 1. P. 179–194.
27. Herz, J. H. Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities. Chicago: The University of Chicago Press, 1951.
28. Kydd, A. Game Theory and the Spiral Model // World Politics. 1997. Vol. 49, № 3. P. 371–400.
29. Snyder, G. H. Alliance Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1997.
30. Sylvan, D., Majeski, S. U.S. Foreign Policy in Perspective: Clients, Enemies and Empire. New York: Routledge, 2009. P. 2.
31. Haass, R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 3. P. 44–56.
32. Schweller, R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, iss. 1. P. 145–163.
33. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. P. 34–40.
34. Averre, D., Davies, L. Russia, Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: The Case of Syria // International Affairs. 2015. Vol. 91, № 4. P. 813–834.
35. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York: United Nations, Security Council, SC/11135. 2013. 27 September.
36. Zhou, Y. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13, № 2. P. 246–261.
37. Souleimanov, E. A., Dzutsati, V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? // Middle East Policy. 2018. Vol. XXV, № 2. P. 42–50.
38. Chan, S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London: Routledge, 2008. P. 1–29.
39. Schelling, T. C. The Strategy of C onflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 53–80, 119–161.
40. Adler, E., Barnett, M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–65.
41. Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 49–64, 85–109.
42. Krasner, S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982. Vol. 36, № 2. P. 185–205.
43. Booth, K., Wheeler, N. J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 4–8, 83–130.
44. Diehl, P. F., Goertz, G. War and Peace in International Rivalry. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 19–46.
45. Colaresi, M. P., Rasler, K., Thompson, W. R. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 3–25.
46. Цыганков, А. П. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–24.
47. Abbott, K. W., Keohane, R. O., Moravcsik, A., Slaughter, A.-M., Snidal, D. The Concept of Legalization // International Organization. 2000. Vol. 54, № 3. P. 401–419.
48. Abbott, K. W., Snidal, D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, № 3. P. 421–456.
49. Murray, M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 1–28.
50. Wolf, R. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition // International Theory. 2011. Vol. 3, № 1. P. 105–142.
51. Honneth, A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts / transl. by J. Anderson. Cambridge: The MIT Press, 1995. P. 124–127.
52. Lindemann, T. Causes of War: The Struggle for Recognition. Colchester: ECPR Press, 2010. P. 7–52.
53. Recognition in International Relations: Rethinking a Political Concept in a Global Context / ed. by C. Daase, C. Fehl, A. Geis, G. Kolliarakis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–21.
54. Keil, S., Arts, S. Strategic Spiral: Arms Control, U.S.-Russian Relations, and European Security. Washington: German Marshall Fund of the United States, 2020. (Policy Brief, № 3).
55. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. S. 224–226, 238.
56. Werron, T. Zur sozialen Konstruktion moderner Konkurrenzen: Das Publikum in der «Soziologie der Konkurrenz» // Georg Simmels große «Soziologie» / hrsg. von H. Tyrell, O. Rammstedt, I. Meyer. Bielefeld: transcript Verlag, 2011. S. 227–258.
57. Pierson, P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 17–53.
58. Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–37.
59. Hirschman, A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 21–43, 76–105.
60. Beaujouan, J. Power Peace: The Resolution of the Syrian Conflict in a Post-Liberal Era of Peacemaking // Journal of Intervention and Statebuilding. 2025. Vol. 19, № 3. P. 309–328.
61. Lundgren, M. Mediation in Syria: Initiatives, Strategies, and Obstacles, 2011–2016 // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37, № 2. P. 273–288.
62. Hellmüller, S. A Trans-Scalar Approach to Peacebuilding and Transitional Justice // Cooperation and Conflict. 2022. Vol. 57, № 4. P. 448–466.
63. Sushentsov, A., Wohlforth, W. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral // International Politics. 2020. Vol. 57, № 3. P. 427–450.
64. Ziegler, C. E. A Crisis of Diverging Perspectives: U.S.-Russian Relations and the Security Dilemma // Texas National Security Review. 2020. Vol. 4, iss. 1. P. 12–33.
65. Савичева, Е. М., Исраилов, А. Х., Кембель, О. В. Баланс сил на Ближнем Востоке // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ: монография / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича. Москва: РУДН, 2021. С. 226–232.
66. Графов, Д. Б. Приостановка договора СНВ-3 в контексте теории сдерживания // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 1 (37). С. 25–39.

67. Renshon, J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 1–32, 150–228.
68. Duque, M. G. Recognizing International Status: A Relational Approach // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, № 3. P. 577–592.
69. Røren, P., Beaumont, P. Grading Greatness: Evaluating the Status Performance of the BRICS // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40, № 3. P. 429–450.
70. Doyle, M. W., Sambanis, N. International Peacebuilding: A Theoretical and Quantitative Analysis // American Political Science Review. 2000. Vol. 94, № 4. P. 779–801.
71. Holsti, K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10, № 3. P. 272–296.
72. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies // Critical Policy Studies. 2013. Vol. 7, № 2. P. 177–197.
73. Neumann, I. B. Returning Practice to the Linguistic Turn: The Case of Diplomacy // Millennium: Journal of International Studies. 2002. Vol. 31, № 3. P. 627–651.
74. Kydd, A. H. Trust and Mistrust in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 3–27.
75. Казаринова, Д. Б. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177–184.
76. Sakwa, R. 'New Cold War' or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 2. P. 241–267.

Interactional Capital: Foundations of a General Theory of International Politics under Rivalry

Bezkadi Fadi
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is an explanatory gap common to the major paradigms of international relations. Neither the distribution of capabilities, nor of institutions, nor of ideas explains why identical configurations of power and interest produce regulated rivalry in some dyads and an escalation spiral in others. Nor do they explain why the outcomes of confrontations systematically deviate from balance-of-power predictions. The aim of the work is to close this gap by introducing the missing variable and constructing a general theory around it. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the discipline's foundations, the formulation of laws and derivable theorems, the operationalisation of the central variable, and a test of the theory on a crucial case, namely Russian-American interaction in the Syrian conflict. The foundation of the theory is a variable of a new type, namely interactional capital. It is defined as a jointly produced dyadic stock of mutual legibility composed of four funds, that is, recognition, rules, channels and precedents. Four laws are formulated, namely joint production, asymmetry of tempo, conversion and wear. From these laws theorems are derived that explain by a single mechanism the security dilemma, the conditions of successful deterrence, the collapse into the spiral, the victories of the weaker side and the autonomy of clients. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the principal scarce quantity of world politics is neither power nor legitimacy but legibility, that is, the capacity of rivals to understand each other's actions in a shared code. Power converts into outcomes only through legibility, and the efficiency of this conversion is measurable. The theory is operationalised by an index of interactional capital and five falsifiable predictions. The principal conclusion is that international politics is first of all an economy of legibility. A power that accumulates interactional capital defeats a power that accumulates only strength.

Keywords: interactional capital, legibility, international relations theory, great-power rivalry, deterrence, escalation, recognition, power conversion, Russian-American relations.

References

1. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, Addison-Wesley Publishing Company, 1979, pp. 102–128.
2. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York, London, W. W. Norton & Company, 2001, pp. 1–35.
3. Haas E. B. When Knowledge Is Power: Three Models of Change in International Organizations. Berkeley, University of California Press, 1990, pp. 77–82.
4. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. International Organization, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 391–425.
5. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 246–312.
6. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, Princeton University Press, 1976, pp. 58–113.
7. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
8. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
9. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. pp. 108-118.
10. Jervis R. The Logic of Images in International Relations. New York, Columbia University Press, 1989.
11. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York, Columbia University Press, 1977, pp. 193–213.
12. Adamsky D. Cross-Domain Coercion: The Current Russian Art of Strategy. Paris, Institut Français des Relations Internationales, 2015, p. 20.
13. Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West. Cooperation and Conflict, 2002, vol. 37, no. 2, pp. 115–136.
14. Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, Macmillan & Co., 1946, pp. 69–100.
15. Barkin S. Realist Constructivism. International Studies Review, 2003, vol. 5, no. 3, pp. 325–342.
16. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 7–10.
17. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Ed. by J. B. Thompson. Cambridge, Polity Press, 1991, pp. 75, 249.
18. Paul T. V., Larson D. W., Wohlforth W. C. Introduction. In: Status in World Politics. Ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 7–17.
19. Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. International Security, 2010, vol. 34, iss. 4, pp. 63–95.
20. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
21. Ivanov S. M. Vmeshatel'stvo inostrannykh gosudarstv v siriyskiy konflikt [The Intervention of Foreign States in the Syrian Conflict]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2018, no. 7 (856), pp. 17–23. (in Russian)
22. Notte H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling. The Nonproliferation Review, 2020, pp. 1–16.
23. Leng R. J. When Will They Ever Learn? Coercive Bargaining in Recurrent Crises. The Journal of Conflict Resolution, 1983, vol. 27, no. 3, pp. 379–419.
24. Ball J. Obama Issues Syria a 'Red Line' Warning on Chemical Weapons. The Washington Post, 2012, August 20.
25. Glaser C. L. Political Consequences of Military Strategy: Expanding and Refining the Spiral and Deterrence Models. World Politics, 1992, vol. 44, no. 4, pp. 497–538.
26. Leng R. J. Crisis Learning Games. American Political Science Review, 1988, vol. 82, no. 1, pp. 179–194.
27. Herz J. H. Political Realism and Political Idealism: A Study in Theories and Realities. Chicago, The University of Chicago Press, 1951.
28. Kydd A. Game Theory and the Spiral Model. World Politics, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 371–400.
29. Snyder G. H. Alliance Politics. Ithaca, Cornell University Press, 1997.
30. Sylvan D., Majeski S. U.S. Foreign Policy in Perspective: Clients, Enemies and Empire. New York, Routledge, 2009, p. 2.
31. Haass R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance. Foreign Affairs, 2008, vol. 87, no. 3, pp. 44–56.
32. Schweller R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful. Cambridge Review of International Affairs, 2010, vol. 23, iss. 1, pp. 145–163.
33. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. P. 34–40.
34. Averre D., Davies L. Russia, Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: The Case of Syria. International Affairs, 2015, vol. 91, no. 4, pp. 813–834.
35. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York, United Nations, Security Council, SC/11135, 2013, 27 September.
36. Zhou Y. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria. Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 246–261.
37. Souleimanov E. A., Dzutsati V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? Middle East Policy, 2018, vol. XXV, no. 2, pp. 42–50.
38. Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London, Routledge, 2008, pp. 1 –29.
39. Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Harvard University Press, 1960, pp. 53–80, 119–161.
40. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, pp. 29–65.
41. Keohane R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, Princeton University Press, 1984, pp. 49–64, 85–109.
42. Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. International Organization, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 185–205.
43. Booth K., Wheeler N. J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 4–8, 83–130.
44. Diehl P. F., Goertz G. War and Peace in International Rivalry. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000, pp. 19–46.
45. Colaresi M. P., Rasler K., Thompson W. R. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 3–25.
46. Tsygankov A. P. Sistemnyy podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The Systemic Approach in International Relations Theory]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, 2013, no. 5, pp. 3–24. (in Russian)
47. Abbott K. W., Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization. International Organization, 2000, vol. 54, no. 3, pp. 401–419.
48. Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance. International Organization, 2000, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
49. Murray M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers. Oxford, Oxford University Press, 2019, pp. 1–28.
50. Wolf R. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition. International Theory, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 105–142.
51. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Transl. by J. Anderson. Cambridge, The MIT Press, 1995, pp. 124–127.